

Published in the USA
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2023. 14(2): 58-68

DOI: 10.13187/rs.2023.2.58
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

National Issue in Bessarabia in the Pages of Newspaper “Bessarabets”, 1897–1905

Oleg O. Grom ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the texts on the national issue, published in Kishinev newspaper “Bessarabets” (1897–1905), the only commercial private newspaper in Bessarabia, edited by famous right-wing publicist and political activist Pavel Krushevan. Over the 9 years, its political orientation evolved from the moderate to the right-wing radical and anti-Semitic. An important topic in “Bessarabets” was the Jewish question, which Krushevan treated as a set of moral, ethical and religious premises that led to “Jewish dominance” in the spheres of trade, industry and the press in the provinces of the Pale of Settlement. He saw the ideal solution to the Jewish question in the voluntary assimilation and Christianization of Jews, but at the same time he did not actually believe in the reality of such a scenario. The newspaper also covered the Moldovan issue. Krushevan saw the future of the Moldovans also in Russification. He considered their “spiritual amalgamation” with the Russians to be an accomplished fact. At the same time, Krushevan opposed forcing the “superficial” linguistic Russification. However, not all newspaper’s correspondents shared his opinion.

Keywords: Bessarabia, newspaper “Bessarabets”, periodicals, national question, Pavel Krushevan, Moldovans, Jews, anti-Semitism.

1. Введение

Газета «Бессарабец», издававшаяся в Кишиневе в 1897–1905 гг., является важным и во многом недооцененным источником по истории русской консервативной мысли на окраинах в эпоху «подцензурной печати». В массовом сознании газета и ее основатель-издатель П.А. Крушеван тесно связаны с темой антисемитизма в России на рубеже XIX и XX вв. В 1905 г. русская журналистика претерпела переход от эпохи «подцензурной печати» к «эпохе публичности». Существует представление, что до отмены предварительной цензуры публицисты были скованы в выражении собственного мнения и не могли говорить открыто на многие темы, а также высказывать радикальные суждения. Цель статьи состоит в том, чтобы на примере публикаций в конкретном издании понять, как выглядела крайняя пресса до «раскрепощения печати», какую эволюцию она претерпела, а также непосредственно проанализировать взгляды ее издателей и сотрудников на национальный вопрос в Бессарабии.

* Corresponding author

E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

2. Материалы и методы

Хронологически статья охватывает период с 1897 г, когда в Кишиневе стала выходить газета «Бессарабец», до публикации манифеста 17 октября 1905 г., положившего конец эпохе подцензурной печати. Основным источником выступают комплекты газет «Бессарабец» и «Друг» за указанные годы. Массив текстов, опубликованных в изданиях П.А. Крушевана почти за десять лет, огромен, велико разнообразие сюжетов и проблем, освещавшихся в них. Поэтому мы ограничимся рассмотрением сюжетов, связанных с обсуждением еврейского и молдавского вопросов в Бессарабии. Преимущественно мы будем обращаться к текстам, написанным самим издателем-редактором газеты, т.к. они во многом задавали направление всего издания и представляют наибольший интерес с точки зрения изучения становления крайне правой идеологии в дореволюционной России.

Несмотря на важность газеты «Бессарабец» как исторического источника, она до сих пор незаслуженно обойдена вниманием как российских, так и молдавских историков, и не становилась предметом детального анализа. В вышедшей еще в советское время монографии Б.А. Трубецкого «Из истории периодической печати Бессарабии» газета описывается вскользь и оценивается в довольно типичном духе как «знаменосец помещичье-черносотенной прессы», которую издавал П.А. Крушеван, «известный своими ультрареакционными взглядами, что и предопределило монархически-верноподданническое, черносотенное направление газеты» (Трубецкой, 1989: 41). В.М. Топилина указывала, что на издания Крушевана, «духовного отца и организатора черносотенства в Молдавии», равно как и на официозные газеты и журналы края, не распространялся ряд цензурных ограничений, наложенных властями на печать, в частности касавшихся освещения революционного движения в начале XX в. (Топилина, 1987: 15). «Бессарабец» и сменивший его в 1905 г. «Друг» таким образом рассматриваются как один из инструментов властей в борьбе с движением народных масс. В то же время Топилина подчеркивает, что в годы революции Крушеван дошел до такой степени радикализма, что даже царская цензура была вынуждена штрафовать его за некоторые антисемитские выпады (Топилина, 1987: 18).

Личность издателя газеты П.А. Крушевана в последние годы начала привлекать все большее внимание исследователей. В этом ряду стоит выделить работы И.П. Шорникова, пытающегося «нормализовать» восприятие личности Крушевана и его литературно-публицистического наследия. Однако Шорников приходит к ряду проблемных выводов. Например, Крушеван у него неожиданно становится «деятельным защитником молдавской национальной идентичности» (Шорников, 2011: 104). При этом, заявляя такие положения, он ссылается на вторичную литературу и игнорирует собственно тексты Крушевана, в первую очередь, его публикации в «Бессарабце», из которых ясно следует, как будет показано ниже, что будущее «молдавской национальной идентичности» Крушеван видел в ее постепенном вытеснении идентичностью русской.

Если Шорников все же пытается сохранить объективность в оценке противоречивого и неоднозначного наследия, то автор предисловия к изданному О.А. Платоновым сборнику текстов Крушевана (в который, впрочем, не вошли публикации из «Бессарабца») не утруждает себя условностями. Здесь в качестве основы используется текст автореферата диссертации И.П. Шорникова, но отбрасываются или объявляются фальшивыми все мало-мальски негативные пассажи о нем. Крушеван представляется апостолом борьбы русских с кознями «мирового еврейства», в реальности которых составители сборника не сомневаются (Крушеван, 2015: 5-90).

Таким образом, спектр историографических оценок Крушевана варьируется от демонизации в связи с его антисемитизмом и крайне правыми взглядами до заявлений, что он был «христианским социалистом» и даже «деятелем молдавского национального движения», стремившимся с помощью русификации оградить молдаван от румын.

3. Обсуждение и результаты

Издатель и вдохновитель «Бессарабца» Павел Алексеевич Крушеван (1860–1909) происходил из обедневшего дворянского рода, вероятно, имевшего греческие корни. Дворянское состояние рода было официально подтверждено только в 1907 г. После окончания Кишиневской гимназии служил чиновником акцизного ведомства, в 1887–1895 гг. работал в Минском акцизном управлении (Морозан, 2018: 227). В 1880-е гг.

он начинает заниматься литературной деятельностью, печатается в различных газетах, в том числе в «Минском листке» и «Виленском вестнике». В 1896 г. выходит его книга «Что такое Россия? Путевые заметки», где он описывает состоявшееся годом ранее турне по Европейской России. Вернувшись в Бессарабию, он решает полностью посвятить себя газетному делу и получает разрешение на издание в Кишиневе ежедневной газеты большого формата под заглавием «Бессарабец».

Для понимания феномена «Бессарабца» необходимо в общих чертах проследить, что представлял собой рынок печати в Бессарабии конца XIX – начала XX в., а также историю самой газеты. До появления в 1889 г. первого частного издания, газеты «Бессарабский вестник», рынок периодической печати здесь обслуживался в основном одесскими газетами, уделявшими краю много внимания и имевшими в Кишиневе отделения редакций. Местная печать была представлена исключительно официозными изданиями – «Бессарабскими губернскими ведомостями» и «Кишиневскими епархиальными ведомостями». «Бессарабский Вестник» был довольно типичной провинциальной газетой того времени. С его выходом Одесса стала сокращать областное отделение. Благодаря удачному подбору сотрудников и разнообразию печатавшегося в ней материала газета приобрела популярность у бессарабской публики. Издателем ее был С.И. Соколов, управляющий акцизными сборами Бессарабской губернии. Официальным редактором числилась его жена, а фактическим редактором выступал В.Я. Лучинский (*Одесский листок*. 1912. № 111: 6).

Впоследствии Соколову пришлось отказаться от издания газеты. По мнению одесского публициста М. Яковлева, причиной этого стали частые доносы на издание. В итоге директор департамента неокладных сборов А.С. Ермолов (впоследствии министр земледелия и государственных имуществ и член Государственного совета) частным образом дал Соколову «дружеский совет» отказаться от издательской деятельности и продать газету. Следуя совету Ермолова, Соколов продал газету И. Чекану. После продажи газета стремительно теряет популярность, и, в конце концов, ее выкупает владелец кишиневской типографии Ф.П. Кашевский, который «выписывает» из Вильны П.А. Крушевана. По словам Кашевского, «один Крушеван в состоянии заполнить целую газету... не надо будет много сотрудников иметь» (*Одесский листок*. 1912. № 112: 5). Но в 1897 г. Крушеван поссорился с Кашевским и получил разрешение на издание собственной газеты под названием «Бессарабец». «Бессарабский Вестник» не выдержал конкуренции с детищем Крушевана и вскоре был закрыт (*Одесский листок*. 1912. № 112: 5). Видимо, этот эпизод положил начало антагонизму Крушевана с евреями. Примечательно, что «Бессарабец» отличало полное отсутствие евреев среди сотрудников, а также авторов, за исключением авторов некоторых писем в редакцию и периодически публиковавшихся «обличений» евреев, якобы написанных самими евреями. Немногим чаще в газете печатались люди с молдавскими фамилиями. С 1898 до 1904 г. (когда начнет выходить «либеральная» и «юдофильская» газета «Бессарабская жизнь», издававшаяся бывшим сотрудником Крушевана Ф.Е. Захаровым) «Бессарабец» не имел внятных конкурентов на местном печатном рынке, если не считать таковыми официоз и выходившую с 1899 г. газету городской управы, против организации которой сам Крушеван активно протестовал (*Бессарабец*. 1899. № 94: 1).

В идеологическом плане историю газеты можно разделить на несколько периодов: 1897–1900 и 1901–1905 гг. В первый период газета отличалась относительно спокойным тоном и даже своеобразным «либерализмом» в подаче материала. Начиная с 1901 г., особенно с 1902 г. начинается резкий крен в сторону антисемитизма и русского национализма. Газета все более ориентируется не на интеллигентного читателя (что было свойственно русским газетам и журналам XIX в.), а на массу, зачастую полуграмотную, что будет отличать крайне правые газеты «эпохи публичности». Что характерно, эта тенденция усилится в 1903 г., когда Крушеван фактически не будет принимать участия в издании, занимаясь организацией в Петербурге газеты «Знамя», в которой он будет пропагандировать антисемитизм на общероссийском уровне и в итоге опубликует знаменитые «Протоколы сионских мудрецов».

В конце 1902 г. Крушеван по «фиктивной» в его интерпретации сделке продает «Бессарабец» Д.В. Мальскому за 27 тыс. рублей. С 1903 по 1905 г. будет идти тяжба между Крушевном и Мальским (*Друг*. 1905. № 2: 2). В этот период «рафинированный» теоретический антисемитизм Крушевана уступает место бытовому. В апреле 1903 г. происходит Кишиневский погром, часть вины за который современники будут возлагать на

«Бессарабца» и Крушевана. Газета в свою очередь будет пытаться выгородить погромщиков, обвиняя самих евреев, которые довели своей «эксплуатацией» до крайности «темный люд» (Бессарабец. 1903. № 96: 3). Похожую позицию до приезда нового губернатора С.Д. Урусова будет занимать и местная власть.

В апреле 1905 г. суд окончательно признает за Мальским право на издание «Бессарабца», а Крушеван получает разрешение на издание новой газеты «Друг». Через несколько месяцев начинает выходить новый «Бессарабец», уже полностью издаваемый Мальским (формальным издателем значилась его жена А.Я. Мальская). Хотя в подзаголовке газеты значилось гордое «год издания девятый», она имела мало общего с оригинальным изданием. Уже в программной статье читалось умеренно позитивное отношение редакции к происходящим в стране революционным изменениям. Направление новой старой газеты можно было охарактеризовать как «мирное обновление» (Бессарабец (Мальская). 1905. № 1: 1). В оценке кишиневских событий 17–20 октября 1905 г. разница с газетой Крушевана была еще более разительной. Они описывались как «погром», зачинщиками которого были неизвестные провокаторы, а полиция проявила бездействие: «Наша администрация, – писала газета, – “спешит медленно” и слишком опаздывает с помощью» (Бессарабец (Мальская). 1905. № 100: 2).

Однако попытка новых издателей «Бессарабца» актуализировать направление газеты в соответствии с духом времени не привела к результату и через несколько месяцев она прекратила выходить. Отчасти провал предприятия Мальского обусловлен тем, что на местном печатном рынке была высокая конкуренция. В литературном плане она недотягивала до крушевановского «Друга» и уступала по радикализму «Бессарабской жизни». Позднее в Кишиневе выходило еще несколько газет с таким же названием под редакцией разных лиц (П.В. Дическул, А.В. Ноур, В.И. Тихович, И. Чекан) (Presa basarabeană, 2002: 42), но и они не имели того успеха, который имел и «Бессарабец» в «подцензурную эпоху», и «Друг» в «эпоху публичности».

Одно из важнейших мест в материалах «Бессарабца» занимал еврейский вопрос. Антисемитские нотки проявились уже в первый год издания газеты. Но, как и в ранних литературных и публицистических работах Крушевана, отношение к евреям в целом было относительно сдержанным. Евреи воспринимались им в большей степени как конкуренты, к которым нужно относиться с определенной долей уважения. В их же «руссофобстве» (или точнее в «христианофобстве») виделась еще и их образцовая сплоченность, организация – те качества, которых, по мнению Крушевана, не хватало русским. Например, в одной из статей он сравнивает, как поставлено дело в кишиневских русской и еврейской столовых для бедных, и сравнение оказывается не в пользу «христианской столовой», на содержание которой никто не хочет жертвовать и, как следствие, там царит антисанитария (Бессарабец. 1897. № 9: 3).

Самой негативной чертой евреев Крушеван, как и многие его современники, считал их склонность к ростовщичеству. Ростовщичество – это зло, язва общества, «вампиры», наживающиеся за счет «бедного люда». Но когда он пишет об этом в 1897 г. он непременно делает оговорки, что и некоторые христиане занимаются тем же злом. Он подчеркивает, что далеко не все евреи замешаны в подобном бизнесе. В более поздних публикациях подобным нюансировкам не будет места. Публикации о «еврейском засилье» в конце 1890-х гг. пока не являются самоцелью, их размещают подспудно, как бы невзначай. Например, в газете публикуется перепечатка из «Нового времени» о «пленении» евреями города Таганрога с характерным примечанием редакции: «Кажется – нам особенно удивляться тому нечему» (Бессарабец. 1897. № 37: 2).

Среди публикаций на еврейскую тематику в первые годы существования «Бессарабца» представляют интерес статьи, подписанные псевдонимом «Еврей», хотя маловероятно, что это был реальный еврей, а не один из многочисленных псевдонимов Крушевана. Подобные статьи часто сопровождалось характерными редакторскими примечаниями: «Автор статьи еврей, и потому мы придаем тем больше значения его мнению». В основном они были посвящены критике «пороков» еврейства и прожектам «слияния» евреев с «коренным населением» западных окраин, что опять же, как будет показано дальше, согласовывалось с идеями самого Крушевана. Например, в одной из таких публикаций обсуждался вопрос о привитии еврейским детям земледельческих навыков. «Только детей, не познавших еще прелестей торгашеской жизни, – писал автор, – возможно превратить в землеробов».

Он утверждал, что ограничения в отношении землепользования евреями – это не злой умысел правительства, а стремление оградить «коренное население» от еврейской эксплуатации. Однако создание земледельческих школ для еврейских бедных детей и разрешение возделывать землю без использования наемного труда могут стать началом решения «еврейского вопроса», т.к. они способствуют созданию у евреев утраченного 2 тыс. лет назад земледельческого класса, сделав тем самым евреев «нормальным» народом (Бессарабец. 1898. № 167: 1-2).

Начиная с 1901 г. тон публикаций по еврейскому вопросу становится более резким, а сами они начинают занимать чуть ли не всю «аналитическую» часть газеты. В 1902 г. Крушеван публикует открытое письмо известного публициста-народника Я.В. Абрамова. В письме Абрамов оправдывается, что стал мало публиковаться в «Бессарабце», и в то же время сетует на то, что его редкие публикации вызвали нападки со стороны других публицистов, возмущавшихся сотрудничеству такого авторитета с газетой того направления, к которому пришел «Бессарабец». Абрамов пускается в рассуждения о «еврейском вопросе», трактуя его с общечеловеческой позиции. По его мнению, нельзя обвинять весь народ только потому, что его отдельные представители занимаются неблагоприятным делом эксплуатации. Население страдает от эксплуатации не только со стороны евреев, но и со стороны представителей других народов, и, возможно, даже в большей степени со стороны «своих», т.е. русских. Крушевана же он упрекает в том, что авторы «Бессарабца» забыли об осторожности, необходимой при обсуждении таких тонких вопросов, за слишком резкий тон и отсутствие альтернативных суждений в газете (Бессарабец. 1902. № 80: 2-3).

Крушеван использовал письмо Абрамова как повод для пространного «прояснения позиции» по еврейскому вопросу. Начинает он с историко-религиозного экскурса. По его мысли, христианство является наиболее прогрессивным, красивым и правильным учением об устройстве мира. Однако еврейский народ, из недр которого вышел Христос, отверг своего величайшего мыслителя и его учение, предпочтя остаться в окопах «отмершего» иудаизма. Отсюда пошли все их беды. Евреи, расселенные по миру, вынуждены жить среди христиан, пользоваться всеми благами христианской цивилизации, но при этом они проявляют отчуждение, упорное стремление к обособлению. Именно в этом, по словам Крушевана, кроется корень «еврейской трагедии» (Бессарабец. 1902. № 89: 2).

Не имея других возможностей для борьбы за существование, евреи, по мнению Крушевана, уверовали во всемогущество капитала и встали на путь экономического порабощения христиан. На юге России в их руках оказались торговля, промышленность, капиталы и печать. Они сплоченные, в отличие от христиан, они беспощадны и не останавливаются ни перед какой ложью для достижения своих целей. А главная их цель – это уничтожение ненавистных им христианских идеалов. Вся история евреев – это жестокая трагедия вырождения. Избрав изначально неверный способ борьбы за выживание, они превратились в единый сплоченный организм, паразитирующий на других народах (Бессарабец. 1902. № 91: 2).

Однако, как указывает Крушеван, вечно так не может продолжаться и рано или поздно евреи встанут перед выбором – либо слияние с теми обществами в которых они живут, либо путь сионизма. Второй Крушеван объявляет утопическим и заведомо обреченным на неудачу, приводя в пример современную Грецию: «Ни одному народу, утратившему свою национальную независимость, а тем более – принадлежавшую ему территорию, не удалось, несмотря на самые пламенные желания его патриотов, вернуть свою независимость не только по истечении двадцати веков, но даже спустя один-два века... разве она [Греция] имеет хоть что-нибудь общее с той великой Элладой, мечта о которой воодушевляла борцов за ее независимость?» С этой точки зрения сионистские идеи, будучи реализованными, не приведут к возрождению древнего Израиля; они создадут нечто новое, и это новое Крушеван заведомо считает злом. Альтернативу сионизму Крушеван видит в ассимиляции, слиянии евреев с русскими, и исправлении исторической ошибки – принятии христианства (Бессарабец. 1902. № 91: 2). Однако конкретного рецепта, как это осуществить, Крушеван не предлагает. Более того, если проанализировать его последующие тексты, то обращает на себя внимание парадокс: с одной стороны, он приглашает евреев к слиянию, а с другой, он не верит в это слияние. Он постоянно приписывает евреям склонность к обману и даже в переходе евреев в христианство видит подлый расчет.

Далее Крушеван в очередной раз постулирует, что евреи «захватили» губернии в черте оседлости и ведут себя как победители по отношению к побежденным. Причем и здесь евреи

демонстрируют «аномалию», поскольку «нормальные» завоеватели не отбирают у побежденного народа право на экономическую деятельность, в первую очередь право торговать. Но, по мнению Крушевана, именно это делают евреи в Бессарабии и на западных окраинах – не пускают «коренных жителей» в торговлю. Это угнетает население, тормозит развитие края и России в целом. Отвечая Абрамову на тезис о том, что не только евреи занимаются эксплуатацией простого народа, Крушеван парирует: «...есть в эксплуатации народа евреями нечто такое, что усугубляет ее отрицательное значение: русский кулак, выжимая соки из своего народа, все-таки ему же и вернет их раньше или позже, ему предоставит и заработок у дела, которое ведет; еврей-эксплуататор, выжимая соки из нашего народа, будет отдавать их своему народу, будет предоставлять заработок своему народу, будет приращивать ту его силу, которая служит для порабощения нас же» (Бессарабец, 1902. № 91: 2). Таким образом, и здесь евреи представляются нетипичным народом.

Подробно экономическую составляющую еврейского вопроса Крушеван разбирает в отдельном цикле статей, озаглавленном «К завоеванию России евреями». Здесь он в целом повторяет типичный набор мифологем о еврейской эксплуатации и стремлении евреев, используя финансово-экономические рычаги, захватить мир. Экономический кризис, который в тот момент переживала Россия, он объяснял, по крайней мере отчасти, следствием «еврейского завоевания» (Бессарабец, 1902. № 108: 2). Но в целом «еврейский вопрос» Крушеван предпочитал описывать в социал-дарвинистских терминах «борьбы за существование». Рассматривает его он не только и, на первый взгляд, даже не столько в экономическом ключе, сколько в морально-этическом, поскольку «еврейство несет с собой человечеству господство грубо-утилитарных и плутократических идеалов и полное этическое вырождение» (Бессарабец, 1902. № 101: 3).

Вопрос об искренности крушевановского антисемитизма неоднократно поднимался в историографии и мемуаристике. Моисей Слуцкий, кишиневский врач, знавший лично Крушевана, считал, что он не был убежденным антисемитом, а в ранние годы своей публицистической карьеры даже относился к евреям с определенным сочувствием. Переход на позиции крайнего антисемитизма он связывал с конъюнктурой издательского рынка Бессарабии, борьбой с одесскими «юдофильскими» изданиями, а также возможностью получения правительственных субсидий на «патриотическую» деятельность. С переходом к антисемитской риторике Слуцкий связывал рост популярности и тиражей «Бессарабца» (Слуцкий, 1930: 43-44). Румынский историк и общественный деятель Н. Йорга писал, что Крушеван имел репутацию сумасшедшего; ходили слухи, что в частных разговорах он якобы признавался, что не имеет ничего против евреев и вообще любит их. (Colesnic, 2000: 32). Кишиневский городской голова, а затем член Государственной Думы П. Синадино относил перемену отношения Крушевана к евреям к 1894 г. или к более позднему времени, и связывал это с нежеланием кишиневских евреев давать ему кредиты, в которых он нуждался постоянно (Colesnic, 2000: 37).

Молдаванам, составлявшим большинство населения губернии, в газете «Бессарабец» отводилось заметно меньше места, чем евреям. С точки зрения Крушевана, как, впрочем, и большинства тогдашних местных публицистов, «молдавский вопрос» не был угрозой ни местного, ни общеимперского масштаба. Наиболее полно представления издателя газеты о молдавском вопросе и окраинном вопросе в целом были изложены в опубликованном в 1898 г. фельетоне «Оставьте нас в покое!». Крушеван рассказывает историю о том, что, когда он жил в Северо-Западном крае, его попросили дать рецензию на корреспонденцию в газету на тему окраинной политики. Крушеван так описывал этот случай: «...она была написана по общему рецепту подобных корреспонденций: патриотически-возвышенный тон, мрачные краски, обрисовывающие положение русского человека на окраине, целый ряд грозных перспектив, указывающих на необходимость принять самые репрессивные и энергичные обрусительные меры, лирическое отступление на тему о русской крови, пролитой для завоевания окраины, и скорбная патриотическая нотка, звучащая в опасенье, как бы эта кровь не была пролита напрасно и как бы внукам не пришлось проливать ее и отвоевывать то, что завоевали деды» (Бессарабец, 1898. № 190: 1). В итоге выяснилось, что автором этого «патриотического» текста был знакомый Крушевану журналист-еврей, который до того момента не был замечен в подобного рода патриотизме.

Крушеван уверяет, что написание подобных шаблонных текстов было распространенной практикой как в окраинных, так и в столичных газетах. Но далеко не всегда их авторы

руководствовались истинно-патриотическими чувствами. Газеты использовали такие публикации для того, чтобы отвлечь внимание правительства или общественного мнения от реальных проблем окраин. По версии Крушевана, большинство столичных газет имело «любимые» окраины, а обращение к подобного рода корреспонденциям, написанным часто случайными людьми, призвано было «заставить забыть о том, что творится на покровительствуемой окраине», отвлечь внимание правительства от одной окраины муссированием фактов, происходящих на другой (Бессарабец. 1898. № 190: 1).

К подобного рода публикациям он отнес напечатанную в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью А.К. Мурузи на тему необходимости срочного принятия обрусительных мер в Бессарабии. Мурузи писал, что Бессарабия находится под угрозой сепаратизма, так как Румыния в последние годы делает потрясающие успехи во всех областях жизни – в экономической, военной и т.д. Это вызывает рост притязаний Румынии к соседям. «Ни один современный румын, – писал Мурузи, – не таит мечты присоединить, при первом благоприятном случае, Бессарабию и без особого труда докажет вам, что область эта в настоящее время, по языку и нравам ближе к Румынии, чем Трансильвания и Буковина». В то же время в России эти стремления румын, по словам Мурузи, стараются не замечать; с 1812 г. «не было сделано ничего... чтобы слить эту область с остальной Россией, чтобы сделать из нее настоящую русскую губернию». Следствием этого может стать легкое поглощение края Румынией: «Язык, законы, нравы, предания – все здесь осталось румынским, и в тот день, когда враги наши из-за Прута перешли бы эту реку, они оказались бы в стране столь же румынской, как та, которая лежит по ту сторону ее». Самых бессарабских молдаван он обвинял в симпатиях к запрутским единоплеменникам и едва ли не сознательном нежелании учить русский язык, т.к. 9/10 населения Бессарабии не знает ни слова по-русски. Такой же процент, по словам Мурузи, не может даже назвать имени российского императора. Более того, население края чуждо какого-либо понятия о религии, не знает даже основ православия и базовых молитв. Наконец, оно «не имеет никакого русского патриотического чувства» (Бессарабец. 1898. № 190: 1).

Решение проблемы Мурузи видел в «послании значительного числа истинно русских семей среди теперешнего населения Бессарабии». «Русский элемент», по его мнению, без труда ассимилирует молдаван, чему будет способствовать единство веры. Кроме того, он предлагал ввести обязательное обучение русскому языку всех молдаван с 12 до 18 лет (Бессарабец. 1898. № 190: 2).

В ответ на статью Мурузи в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована статья публициста Н.Н. Дурново (старшего), известного своими антирусификаторскими публикациями, а также защитой интересов православных инородцев России. Дурново раскритиковал обрусительные интенции Мурузи. Примечательно, что Крушеван нашел эту критику совершенно справедливой, по крайней мере, пока речь шла о насильственной русификации как целенаправленной политической практике. Далее Дурново заявляет, что правительство как раз и занимается последние десятилетия «насилием над языком молдаван», в подтверждение чего приводит факт закрытия архиепископом Павлом (Лебедевым) в 1870-х гг. 335 молдавских церквей¹. Однако эта политика оказалась безуспешной, так как молдаване не только не «приобщились» к русскому языку, но и отвернулись от официального православия. Дурново пускается в пространные рассуждения на тему того, что передача Румынии Добруджи взамен на южные уезды Бессарабии в 1878 г. была ошибкой. Вместо этого правительству России следовало аннексировать не только юг Бессарабии, но и Добруджу, получив тем самым общую границу с Болгарией, а Румынии взамен отдать центральную, населенную румынами, часть Бессарабии. Надо заметить, что позднее Дурново станет сторонником передачи всей Бессарабии Румынии (Гром, 2015: 102). По мнению публициста, России насильственная русификация молдаван невыгодна по двум соображениям. Во-первых, она ведет к ухудшению отношений с соседней единой верой страной, а во-вторых, «дает в то же время возможность мадьярской печати указывать, что и Россия одинаковым образом, – если только не хуже мадьяр, – действует в Бессарабии» (Бессарабец. 1898. № 190: 3). Таким образом, Дурново придавал «молдавскому вопросу» в Бессарабии еще большее значение, чем Мурузи, вписывая его в хитросплетения балканской и центрально-европейской политики.

¹ Подробнее об этом сюжете см.: (Гром, 2019: 149-152).

В итоге Крушеван обрушивается с критикой на обоих петербургских публицистов, обвиняя их в том, что они теоретики и не знают истинного положения дел в Бессарабии. По его версии, действительная картина выглядит следующим образом. Население во всех городах «давно и совершенно почти обрусело». Бессарабия – это самая мирная и благополучная окраина России. Ее население в целом «слилось с Россией по духу, стремлениям, а главное по религии». Доказательство этого он видел в том, что за 86 лет население Бессарабии не проявляло «не только коллективную, но и единичную тенденцию к сепаратизму». А высшая власть настолько доверяла и доверяет бессарабцам, что имплементировала здесь те реформы, которые до сих пор не введены в «исконно русском» Северо-Западном крае. Упрек молдаванам в том, что они не хотят говорить по-русски, Крушеван объявляет домислом: «молдаванин везде понимает русский и стремится к тому, чтобы его дети на нем также и говорили» (Бессарабец. 1898. № 190: 2). Но этот процесс языковой ассимиляции, по Крушевану, долгий и его нельзя форсировать: «Нужна смена не одного поколения для того, чтобы народ переродился – и слился не только душой, а и с внешней стороны». В то же время «слияние духовное», как представлялось Крушевану, уже произошедшее, гораздо важнее внешней ассимиляции. «Войдите в любую молдавскую избу, – говорил он, – и вы увидите там портреты Государя императора, а в некоторых и по два...». Причину такой «духовной русификации» Крушеван видит в том, что молдавский народ, переживший тяжелое турецкое иго, не способен более на борьбу за свое самостоятельное существование. Однако он никак не объясняет, что тот же самый народ по ту сторону Прута, находившийся даже дольше под османским управлением, все же сохранил достаточно «пассионарности» для создания собственного достаточно эффективного государства. Впрочем, предвидя подобное возражение, он дает намек на то, что с экономической точки зрения по ту сторону Прута народ живет так же, как и здесь, а государственный порядок и могущество России гарантируют ему даже больше, чем в Румынии. Но главная гарантия, которую, по его мнению, дает молдаванам Россия, – это «возможность мирного труда и исповедание своей религии» (Бессарабец. 1898. № 190: 2). За последним пассажем, вероятно, скрывалось расхожее в церковных и консервативных кругах Бессарабии представление о том, что в Румынии в результате модернизационных реформ второй половины XIX в. православие было искажено и «окатоличено».

Размышления о неспособности молдаван к государственному строительству и вредности таких стремлений следует интерпретировать в том же контексте, в котором Крушеван воспринимал сионизм. Борьба за независимость, даже если она заканчивается успехом, создает нечто новое, и это новое отличается от того, что было изначально, не в лучшую сторону. Для небольшого народа большим благом будет ассимиляция, «слияние» с крупным государственным организмом. Молдаване, добровольно избравшие путь ассимиляции, могут служить примером для населения других окраин, и, возможно, для евреев.

Но если народ находился на стадии «духовного слияния» с Россией, то молдавские элиты продвинулись в деле ассимиляции еще дальше. Образованные классы общества, по словам Крушевана, «состоят на государственной службе, участвуют в разных сферах русской государственной деятельности и, что любопытнее всего, не только не умеют писать по-румынски, но даже позабыли большею частью говорить на этом языке» (Бессарабец. 1898. № 190: 3). С представителями молдавского дворянства и немногочисленной на тот момент интеллигенции Крушеван, безусловно, был знаком лучше всего. Вероятно, этот образ «почти русского», об отличии которого от «коренных русских» говорит только родословная, в который вписывался и сам Крушеван, он пытался спроецировать на всех бессарабских молдаван.

В тексте статьи Крушеван постоянно делает акцент на том, что Бессарабия – «самая мирная, самая православная и самая преданная интересам России окраина» империи; этот тезис он повторяет несколько раз, и неоднократно будет тиражировать в дальнейшем. Более того, в грядущую эпоху публичности он станет политическим *credo* практически всех бессарабских правых публицистов, общественных деятелей и политиков. Отчасти это представление не было лишено основания. Крушеван сравнивает Бессарабию с Польшей, западными окраинами, Финляндией и Кавказом и приходит к выводу, что нигде за такой промежуток времени (86 лет с 1812 г.) не было такого общественного спокойствия и примеров «слияния» окраины. Примечательно также, что Крушеван вообще в своих текстах, посвященных «молдавскому вопросу», старался избегать терминов «румыны»

и «молдаване», а говорил о них, используя нейтральный термин «бессарабцы» или описательные конструкции вроде «бессарабские крестьяне», «население Бессарабии» и т.д.

В заключении своей статьи Крушеван приходит к выводу, что письмо Мурузи – это очередная попытка отвлечения внимания петербургской публики и властей от истинных окраинных проблем, поводом к чему на сей раз был выбран «несуществующий» бессарабский вопрос. Попутно он обвиняет «Санкт-Петербургские ведомости» в полонофильстве и нежелании признавать угрозу католического фанатизма на западных окраинах, а главное поднимать волновавший Крушевана больше всего «проклятый еврейский вопрос» (Бессарабец. 1898. № 190: 3).

Позиция Крушевана по молдавскому вопросу, выраженная в фельетоне «Оставьте нас в покое!», в том или ином виде повторялась и в других его текстах, касавшихся бессарабских молдаван. Даже в 1906 г., когда на сцену выйдет молдавское национальное движение, он будет, опираясь на тот же набор верноподданнических аргументов, доказывать, что это движение не имеет ничего общего с народом и его интересами, а за его спиной стоят «враги», которые были не кем иными, как евреями (Друг. 1906. № 138: 2). Однако в «Бессарабце» публиковались и статьи, несколько противоречившие благостной картине «слияния», которую рисовал Крушеван. Например, статья некоего Z «Что дает русская школа молдаванам?». В отличие от Крушевана ее автор признавал Бессарабию именно «инородческой окраиной», далекой от культурного слияния с остальной Россией. Автор прямо увязывал степень культурности и развития той или иной окраины с распространением русского языка. Но в Бессарабии, по его мнению, «приобщение к культуре» шло медленно. Молдаване едва понимают русскую речь, а если в селе найдется человек, способный свободно говорить по-русски, то он вовсе не выпускник русской школы, а бывший солдат, или фабричный рабочий. Именно они на самом деле несут в Бессарабию культуру. На перспективы изменения такого положения вещей автор статьи смотрел с пессимизмом (Бессарабец. 1902. № 228: 1-2).

4. Заключение

Газета «Бессарабец», издававшаяся П.А. Крушеваном, неординарной личностью, внесшей огромный вклад в формирование право-монархической и черносотенной идеологии, представляет собой важный и во многом недооцененный источник по истории консервативной мысли на западных окраинах. За время издания газета претерпела значительную эволюцию, основной тенденцией которой была радикализация. Хотя «Бессарабец» существовал в условиях предварительной цензуры, в газете велась массивная и все более агрессивная антисемитская агитация, на которую цензура и местные власти предпочитали закрывать глаза.

По мере эволюции газеты все большее место на ее страницах занимал еврейский вопрос, рассматриваемый Крушеваном в двух плоскостях: морально-философской и экономической. Непринятие христианства выступало для Крушевана поворотным моментом истории евреев, предопределившим начало «аномального» развития этого народа, связанного «с верой во всемогущие капиталы». С отходом Крушевана в 1903 г. от непосредственного издания «Бессарабца» «теоретический» антисемитизм стал уступать место бытовому. Это совпало с кишиневским погромом в апреле 1903 г., в разжигании которого ряд современников обвиняли газету и ее издателя.

Публикации на молдавскую тематику в «Бессарабце» были относительно редкими и появлялись, как правило, по случаю полемики с петербургскими публицистами. Крушеван постулировал факт «духовного обрусения» молдаван. Но при этом он выступал против форсирования «внешней», в первую очередь языковой русификации. В публикациях по молдавскому вопросу, увидевших свет на рубеже XIX и XX вв., можно выявить зачатки тех элементов дискуссии между молдавскими националистами и русскими «охранителями», которые в полной мере проявятся после 1906 г. уже в контексте выхода на политическую сцену молдавского национального движения.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 22-28-01912 «Мягкая сила империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904».

Литература

- Бессарабец** – *Бессарабец*, газета. Кишинев, 1897–1899, 1902–1903.
- Бессарабец (Мальская)** – *Бессарабец*, газета (изд. А.Я. Мальская). Кишинев, 1905.
- Гром, 2015** – *Гром О.А.* Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.) // *Славянский альманах*. 2015. № 3-4. С. 87-104.
- Гром, 2019** – *Гром О.А.* Между православием и русификацией: Бессарабские архиереи конца XIX – начала XX в. и их молдавская паства // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 146-167.
- Друг** – *Друг*, газета. Кишинев, 1905, 1906.
- Крушеван, 2015** – *Крушеван П.А.* Знамя России / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов; под ред. О.А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 720 с.
- Морозан, 2018** – *Морозан В.В.* Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 592 с.
- Одесский листок** – *Одесский листок*, газета. Одесса, 1912.
- Слуцкий, 1930** – *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни. Кишиневский погром 1903 года. Кишинев: Тип. М. Авербуха, 1930. 119 с.
- Топилина, 1987** – *Топилина В.М.* Легальная печать Молдавии 1905–1907 гг. о первой русской революции. Кишинев: Штиинца, 1987. 63 с.
- Трубецкой, 1989** – *Трубецкой Б.А.* Из истории периодической печати Бессарабии. (1854–1916 гг.). Кишинев: Штиинца, 1989. 271 с.
- Шорников, 2011** – *Шорников И.П.* П.А. Крушеван и национальный вопрос в России: Молдаванин или русский националист? // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2011. № 1. С. 93-106.
- Colesnic, 2000** – *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Vol. III. Chişinău: Museum, 2000. 300 p.
- Presa basarabeană, 2002** – *Presa basarabeană de la începuturi pînă în anul 1957.* Catalog. Chişinău: Poligraf, 2002. 480 p.

References

- Bessarabets** – *Bessarabets*, gazeta [Bessarabets, newspaper]. Kishinev, 1897–1899, 1902–1903. [in Russian]
- Bessarabets (izd. A.Ya. Mal'skaya)** – *Bessarabets*, gazeta (izd. A.Ya. Mal'skaya) [Bessarabets, newspaper (Ed. A.Ya. Malskaya)]. Kishinev, 1905. [in Russian]
- Colesnic, 2000** – *Colesnic, Iu.* (2000). Basarabia necunoscută [Unknown Bessarabia]. Vol. III. Chişinău: Museum, 300 p. [in Romanian]
- Drug** – *Drug*, gazeta [Drug, newspaper]. Kishinev, 1905, 1906. [in Russian]
- Grom, 2015** – *Grom, O.A.* (2015). Debaty o «moldavskom separatizme» v period mezhdru pervoi russkoi revolyutsiei i stoletnim yubileem prisoedineniya Bessarabii k Rossii (1907–1912 gg.) [Debates on “Moldovan separatism” between the First Russian Revolution and the celebration of 100 Years of Besarabia’s ceding to Russia (1907–1912)]. *Slavjanskij al'manah*. 3-4: 87-104. [in Russian]
- Grom, 2019** – *Grom, O.A.* (2019). Mezhdru pravoslaviem i rusifikatsiei: Bessarabskie arkhieerei kontsa XIX – nachala XX v. i ikh moldavskaya pastva [Between Orthodoxy and Russification: Bessarabian bishops of the late 19th and early 20th centuries and their flock]. *Novoe proshloe*. 2: 146-167. [in Russian]
- Krushevan, 2015** – *Krushevan P.A.* (2015). Znamya Rossii [Banner of Russia]. Sost., predisl., komment. D.I. Stogov; pod red. O.A. Platonova. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 700 p. [in Russian]
- Morozan, 2018** – *Morozan, V.V.* (2018). Bessarabiya i ee dvoryanstvo v XIX – nachale XX v. [Bessarabia and its nobility in the 19th and early 20th centuries]. Vol II. SPb.: Dmitrii Bulanin, 592 p. [in Russian]
- Odesskii listok** – *Odesskii listok*, gazeta [Odesskii listok, newspaper]. Odessa, 1912. [in Russian]
- Presa basarabeană, 2002** – *Presa basarabeană de la începuturi pînă în anul 1957.* Catalog. [Bessarabian press from the beginning to 1957. Catalogue]. Chişinău: Poligraf, 2002. 480 p. [in Romanian]

Shornikov, 2011 – *Shornikov, I.P.* (2011). P.A. Krushevan i natsional'nyi vopros v Rossii: Moldavanin ili russkii natsionalist? [P.A. Krushevan and national question in Russia: Moldovan or Russian nationalist?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 1: 93-106. [in Russian]

Sluckii, 1930 – *Sluckii, M.B.* (1930). V skorbnye dni. Kishinevskii pogrom 1903 goda [In sorrowful days of the Kishinev pogrom of 1903]. Kishinev: Tip. M. Averbukha, 119 p. [in Russian]

Topilina, 1987 – *Topilina, V.M.* (1987). Legal'naya pechat' Moldavii 1905–1907 gg. o pervoi russkoi revolyutsii. [Legal press of Moldavia in 1905–1907 about the First Russian Revolution]. Kishinev: Shtiintsa, 63 p. [in Russian]

Trubetskoi, 1989 – *Trubetskoi, B.A.* (1989). Iz istorii periodicheskoi pechati Bessarabii. (1854–1916 gg.) [From the history of periodical press of Bessarabia (1854–1916)]. Kishinev: Shtiintsa, 271 p. [in Russian]

Национальный вопрос в Бессарабии на страницах газеты «Бессарабец», 1897–1905 гг.

Олег Андреевич Гром ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются публикации газеты «Бессарабец», посвященные национально проблематике. Газета «Бессарабец» издавалась в Кишиневе с 1897 по 1905 гг. публицистом и общественно-политическим деятелем крайне правого направления П.А. Крушеваном, являясь при этом единственной частной газетой в губернии. За девять лет издания ее направление эволюционировало от умеренного до праворадикального и антисемитского. Важное место в издании уделялось еврейскому вопросу, который Крушеван рассматривал как совокупность морально-этических и религиозных предпосылок, приведших к «еврейскому засилью» в сферах торговли, промышленности и печати в губерниях черты оседлости. Идеальное решение еврейского вопроса он видел в добровольной ассимиляции и христианизации евреев, однако в реальность такого сценария он не верил. На страницах газеты освещался и молдавский вопрос. Будущее молдаван Крушеван видел также в русификации, причем «духовное слияние» их с русскими он считал уже свершившимся фактом. Однако не все корреспонденты газеты разделяли это мнение. При этом Крушеван выступал противником форсирования «внешней», т.е. языковой русификации.

Ключевые слова: Бессарабия, газета «Бессарабец», периодическая печать, национальный вопрос, П.А. Крушеван, молдаване, евреи, антисемитизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)